

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

М.Ю. УРНОВ

Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений)*

В статье исследуются массовые представления россиян о справедливости в сопоставлении с аналогичными представлениями жителей США, Германии и Китая. Поместив представления о справедливости в общий идеологический контекст, автор выделяет их специфику как в последовательно либеральной, так и в последовательно правоавторитарной зоне. Констатируется, что многие рассматриваемые оценки не противятся переводу их в левое идеологическое пространство. При этом сегодня невозможно определить, какая тенденция в России возьмет верх – авторитарная или демократическая.

Ключевые слова: справедливость, межличностные отношения, имущественное неравенство, государство и человек, социальная роль государства, закон и справедливость, политическое равенство.

In article mass ideas of Russians on justice in comparison with similar representations of citizens of the USA, Germany and China are investigated. Having placed ideas of justice in the general ideological context, the author allocates their specifics both in consistently liberal, and in consistently right authoritative zones. It is noted that many estimates don't oppose to their transfer to the left ideological space. Thus today it is impossible to define, what tendency in Russia will win – authoritative or democratic.

Keywords: justice, interpersonal relations, property inequality, state and person, social role of the state, law and justice, political equality.

Да просто спрошу: знаешь ли,
мол, шука, что такое добродетель
и какие обязанности она
в отношении к ближним налагает?
М. Салтыков-Щедрин. Карась-идеалист

Важность исследования массовых представлений о справедливости вряд ли нужно особо доказывать. Она очевидна. Однако в статье, посвященной справедливости, несправедливо было бы полностью пренебрегать академической традицией демонстрировать очевидность. Впрочем, несправедливо было бы и избыточно долго утруждать читателя подобного рода демонстрациями. Поэтому ограничусь парой ссылок на авторитеты и небольшим количеством цифр.

* Работа подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ 2012.

Что касается авторитетов, упомяну лишь, что И. Кант рассматривал существование справедливости в качестве базового элемента доказательства бытия Божия, а для Дж. Ролза “справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же, как истина – первая добродетель систем мысли” [Ролз, 2010, с. 19].

Теперь немного статистики. В российском массовом сознании запрос на справедливость очень велик. Согласно разным опросам ВЦИОМ и ФОМ, регулярно проводившимся в 1990–2000-х гг., по балансу позитивных и негативных ассоциаций “справедливость” занимает второе место после “порядка” среди 36 важнейших понятий, затрагивающих различные стороны социально-политической жизни страны, и входит в первую пятерку наиболее значимых для россиян ценностей. А словесные конструкции, ассоциирующиеся со “справедливостью” (“закон и порядок”, “социальная защита”, “равенство”, “права человека”), входят в число самых популярных лозунгов, способных, по мнению россиян, объединить общество.

Вместе с тем, удовлетворенность граждан России состоянием общественной справедливости невысока. Согласно опросу Института социологии РАН, в 2006 г. 44% россиян “часто” испытывали “чувство несправедливости всего происходящего вокруг” [Свобода... 2007, с. 20]. По данным ФОМ, в 2011 г. на одного опрошенного, полагавшего, что российское общество устроено справедливо, приходилось шесть считающих его несправедливым¹.

Эта неудовлетворенность является, по-видимому, одной из причин роста интереса к проблеме справедливости со стороны российской науки. В течение 1991–2000 гг. в изданиях, включенных в электронный ресурс EastView, появилось всего 5 публикаций, содержащих в названии слово “справедливость”. В следующее десятилетие (2001–2010 гг.) их было уже 80 (<http://online.eastview.com/index.jsp>). Впрочем, это число много меньше количества соответствующих публикаций за рубежом. В англоязычных журналах по философии, социологии, психологии и религиоведению количество статей, имеющих в названии слово “справедливость (*justice, fairness, equity*)”, еще в 1951–1960 гг. составляло 277, а в 2001–2010 гг. достигло 2317 (почти в 30 раз больше, чем за тот же период в России)².

Воздав должное вводному разделу, перейду к рассуждениям по существу. Социологическое исследование распространенных в массовом сознании представлений о справедливости можно проводить двумя методами. Первый состоит в *анализе общих представлений о справедливости*, содержащихся в ответах на вопрос о том, что люди понимают под этим словом. Такой анализ позволяет выявить основные контуры семантического поля, в котором оно на данный момент существует. Очевидно, однако, что полученная картина не будет ни глубокой, ни целостной. Искать в массовом сознании адекватного осмысления понятия, за посягательство на понимание основ которого человеку пришлось покинуть Эдем и которое (возможно поэтому) осторожный Кант отнес к неподдающемуся дефиниции [Кант, 1964, с. 610], вряд ли стоит.

Эти слабости могут быть в какой-то мере компенсированы с помощью второго метода – *реконструкции представлений о справедливости по имеющимся в социологических опросах частным суждениям о том, что справедливо, а что – нет*. Такой подход представляется достаточно продуктивным. В самом деле, утверждение Аристотеля: “Если кто знает, в чем состоит справедливость, от этого он еще не стал сразу справедливым” [Аристотель, 1984, с. 300] верно и в обратной формулировке. Человек, затрудняющийся дать определение справедливости в целом, в большинстве случаев может достаточно легко сказать, в чем она состоит в конкретной ситуации. Попробуем теперь описать специфические признаки частных оценок именуемых мною “по справедливости”.

¹ Точные данные: 12% опрошенных считают, что российское общество устроено справедливо, и 61% – что несправедливо (<http://bd.fom.ru/report/map/d114709>).

² Рассчитано по данным Jstor (<http://www.jstor.org>).

Специфические признаки оценок “по справедливости”

Европейская философская традиция относит представления о справедливости к классу нравственных. Платон говорил о справедливости как о благе, являющемся базовой характеристикой идеального государства и принципом взаимоотношений между людьми [Платон, 1998]. Аристотель и Марк Аврелий включали справедливость в состав добродетели [Аристотель, 1984; Марк Аврелий, 1993]. Для Св. Августина справедливость – это проявление Божественного Добра [Августин, 2006]. У Св. Фомы Аквинского справедливость, наряду с милосердием и истиной является сущностью Бога и характеристикой Его действий [Фома Аквинский, 2002]. В нравственный контекст помещали справедливость М. Монтень и Б. Паскаль [Монтень, 1979; Паскаль, 1995]. Монтескье полагал, что справедливые отношения лежат в основе положительных законов [Монтескье, 1999]. Ж.-Ж. Руссо видел в “инстинкте справедливости” источник развития нравственности [Руссо, 1969]. Для Дж. Локка, справедливость – элемент моральных отношений, характеристика сообразности с законом (божественным, политического общества, обычным) обращения с личностью или имуществом другого [Локк, 1985]. Д. Юм и А. Смит, вслед за Аристотелем, говорили о справедливости как о добродетели [Юм, 1965; Смит, 1997]. Канту справедливость представлялась категорией, относящейся к суду совести [Кант, 1965]. Согласно В. Соловьеву, справедливость – форма проявления нравственного начала, сострадания, понимаемого им как добро, по содержанию практически совпадающее с кантовским категорическим императивом [Соловьев, 1988]. В ряде наиболее влиятельных современных теорий справедливости – философских [Ролз, 2010] и психологических [Piaget, 1932; Kohlberg, 1969; Маслоу, 2011] – справедливость также выступает элементом нравственности...

Понимаю всю неполноту данного перечня. И все же завершаю его, потому что исследование теорий справедливости в мои задачи не входит, а для иллюстрации преобладающего в европейской философии взгляда на справедливость этого довольно³. Договорившись о том, что оценки “по справедливости” – разновидность нравственных оценок, постараюсь уточнить, чем они отличаются от остальных оценок данной группы.

В начале XX в. блестящий юрист и философ права Л. Петражицкий описал эти отличия в форме, существенно облегчающей их операционализацию и последующее использование в социологических исследованиях [Петражицкий, 2010]⁴. Он выделял две группы “этических эмоционально-интеллектуальных” оценок: “чисто императивные” (оценки “односторонних обязанностей”) и императивно-атрибутивные (оценки “двойственных связей между двумя сторонами”).

Вторая группа, согласно Петражицкому, состоит из оценок: (а) опирающихся на внешние авторитеты и нормы и (б) базирующихся на интуитивной морали/совести (которые, собственно говоря, и являются оценками “по справедливости”). Отмечу, однако, что жесткое разграничение элементов второй группы – не самое сильное место рассматриваемой теории⁵. И потому позволю себе ограничиться констатацией, что, по Петражицкому, чисто императивные оценки применяются к субъект-объектным, а оценки по справедливости – к субъект-субъектным отношениям.

Это разграничение приемлемо в качестве теоретической конструкции, однако слишком общо для эмпирической типологизации конкретных оценок, и потому при практическом использовании требует дополнительных содержательных комментариев (которым посвящена значительная часть упомянутой выше работы Петражицкого). Подобного рода содержательных отягощений можно избежать, уточнив различия

³ Добавлю лишь, что представление о справедливости как о компоненте нравственности свойственно не только европейской, но и восточной, в частности китайской, философской традиции – Конфуцию, школе моистов, Мэн-цзы, Чжуан-цзы [Древнекитайская... 1973].

⁴ Подробный анализ взглядов Петражицкого, его сторонников и оппонентов см., например [Тимошина, 2011].

⁵ На это, в частности, еще в 1935 г. обращал внимание Г. Гурвич [Гурвич, 2004, с. 347].

формальной структуры чисто императивных оценок и оценок “по справедливости”. Речь идет об отличиях в характеристиках сторон, контекста и аспектов оцениваемых отношений. Отсутствие в нравственной оценке всех трех характеристик оценок по справедливости делает ее чисто императивной, а присутствие такой оценки хотя бы в одной из них превращает ее в целом в оценку “по справедливости”.

Стороны отношений. В чисто императивных оценках даются признаки только одной из сторон отношений или имплицитно предполагается, что обе стороны обладают одинаковыми характеристиками⁶. В оценках “по справедливости” признаки обеих сторон отношения присутствуют эксплицитно и делают субъекты отличными друг от друга. Например, утверждение “все животные равны, но некоторые равнее”, представляет собой чисто императивную оценку. Тогда как высказывания “свиньи более равны, чем овцы” и “гусь свинье не товарищ” – это оценки “по справедливости”.

Контекст отношений. В чисто императивных суждениях характеристики отношения предельно обобщены, даны “вне контекста”. В суждениях “по справедливости”, напротив, всегда присутствует контекст. Например, “око за око” или “цель оправдывает средства” – суждения чисто императивные. Между тем, “убийство должно караться по принципу *око за око*” или “победа революции оправдывает любые средства” – суждения “по справедливости”.

Аспекты оцениваемых отношений. Чисто императивные суждения таких уточнений не содержат. В оценках “по справедливости” они присутствуют, и их может быть много. Одна из наиболее простых и потому, возможно, самых распространенных пар оцениваемых аспектов отношений: результат и процесс взаимодействия. Эта пара дала названия двум часто упоминаемым в работах по теории справедливости группам оценок – дистрибутивной и процессуальной справедливости (подробнее см. [Гулевич, 2011, с. 12–26]).

В зависимости от детальности уточнений оценки “по справедливости” могут быть более и менее обобщенными. Отмечу, наконец, что эксплицитное присутствие в оценках “по справедливости” конструкций типа “это справедливо/несправедливо”, “это допустимо/недопустимо”, “так должно/недолжно” необязательно. Более того, утверждения, в явном виде содержащие подобные конструкции, составляют меньшую часть рассматриваемых оценок. Большая же часть приходится на высказывания, в которых данные конструкции присутствуют имплицитно, подразумеваются, и могут быть достаточно легко выявлены путем переформулирования оценок, не затрагивающего их смысла.

В соответствии с названными специфическими признаками была построена программа эмпирического исследования. Она строилась на вторичном анализе социологических данных, основными источниками которых служили кросс-страновые опросы проекта World Values Survey (WVS), данные Левада-Центра, ВЦИОМ, ФОМ, Института социологии РАН, а также мои собственные социологические опросы.

Общие представления о справедливости

Вопрос “Что такое справедливость?” пользуется не слишком большой популярностью у российских социологов. Среди общероссийских репрезентативных опросов, проведенных за 1990–2000-е гг., мне удалось обнаружить лишь пять случаев его использования. Сопоставление полученных результатов затруднено из-за существенных методологических различий между ними. В двух случаях (ФОМ 2000 и 2007 гг.) респондентов спрашивали о *справедливости вообще*, при этом в 2000 г. вопрос был открытым, а в 2007 г. – закрытым. В трех случаях вопросы касались только *социальной справедливости*, были закрытыми, но задавались разными исследовательскими цент-

⁶ За исключением, разве что сентенций, принадлежащих первой скрижали Моисея и описывающих принципы отношений человека и Бога.

Ответы на открытый вопрос “Как вы понимаете слово справедливость?”
(в % от числа содержательных ответов)

Типы оценок	Межличностные отношения	Отношение государства к человеку
Дистрибутивная справедливость	17 Воздаяние по заслугам 9 “ <i>всем, что заслуживают</i> ”, “ <i>за каждым действием должно быть другое, вознаграждающее человека</i> ”	8 Социальные гарантии “ <i>гарантии работникам по выходу на пенсию, нормальные условия труда и уровень зарплаты</i> ”; “ <i>когда нет нищих</i> ”
Процессуальная справедливость	83 Честность, порядочность 57 “ <i>никого не обманывать</i> ”, “ <i>поступать по совести</i> ”, “ <i>если обещал, сделать</i> ”	20 Законность, равноправие “ <i>закон для всех</i> ”; “ <i>выполнение Конституции</i> ” “ <i>все равны в правах – образование, медицина</i> ”
Итого	100 Иное 5 71	1 Иное 29

Источник: ФОМ 2000 г. N=1500. Рассчитано по (<http://bd.fom.ru/report/map/dd002730>).

Примечание. Содержательные ответы на вопрос дали 67% респондентов.

Таблица 2

Ответы на закрытый вопрос “Что означает понятие справедливости в обществе?”
(в % от числа содержательных ответов)

Типы оценок	Межличностные отношения	Отношение государства к человеку
Дистрибутивная справедливость	42 Воздаяние по заслугам 12 “ <i>чтобы труд оплачивался достойно, по результатам</i> ”, “ <i>чтобы каждый занимал свое место в обществе по заслугам</i> ”	30 Социальные гарантии “ <i>чтобы государство защищало слабых</i> ”, “ <i>наказание за преступление в соответствии с законом</i> ”, “ <i>отсутствие нищих в обществе</i> ”, “ <i>равное распределение доходов от нефти, газа и т.п.</i> ”, “ <i>чтобы не было бедных и очень богатых</i> ”
Процессуальная справедливость	58 Честность, порядочность 34 “ <i>честные отношения между людьми</i> ”, “ <i>верность слову, ответственность за взятые обязательства</i> ”, “ <i>относиться к другим так же, как хотелось бы, чтобы относились к тебе</i> ”, “ <i>жизнь без обмана и лжи</i> ”, “ <i>отсутствие блага</i> ”, “ <i>чтобы люди ставили общественные интересы выше личных</i> ”	24 Законность, равноправие “ <i>соблюдение законов</i> ”, “ <i>чтобы у всех был равный доступ к качественному образованию и здравоохранению</i> ”, “ <i>соблюдение равенства прав граждан</i> ”
Итого	100 Иное 46	54

Источник: ФОМ 2007 г. N=3064. Рассчитано по (<http://bd.fom.ru/report/map/socat1l>).

рами⁷ и потому значительно отличались по наборам предлагавшихся ответов. Впрочем, кое-какие выводы можно сделать и на основе этих данных. Перегруппированные по описанным выше критериям, они приведены в таблицах 1–4.

⁷ Институт общественного проектирования (ИОП) – конец 2004–начало 2005 г.; ВЦИОМ 2007 и 2009 гг.

Ответы на закрытый вопрос: “В чем состоит общественная справедливость?”
(в % от числа респондентов)

Период	конец 2004– начало 2005 г.
<i>Дистрибутивная справедливость</i>	14
– равное и справедливое распределение материальных благ	14
<i>Процессуальная справедливость</i>	80
– равенство всех перед законом	49
– в сильной и справедливой власти	16
– в личной свободе и правах	11
– в подлинном народовластии (свободные выборы на всех уровнях власти)	3
– в свободе религиозного вероисповедания	1
<i>Затрудняюсь ответить</i>	6
<i>Итого</i>	100

Источник: ИОП N = 1520 [Реальная... 2006, с. 432].

Таблица 4

Ответы на закрытый вопрос “В чем состоит социальная справедливость?”
(в % от числа респондентов)

Годы	2007	2009
<i>Дистрибутивная справедливость</i>	54	55
– уровень жизни всех примерно одинаков, нет ни богатых, ни бедных	18	20
– каждый может достичь того, на что способен	15	17
– гарантии для социально незащищенных, социальная ответственность богатых	11	10
– уровень и качество жизни каждого зависят от его трудовых усилий и заслуг	10	8
<i>Процессуальная справедливость</i>	35	32
– равенство всех перед законом	35	32
<i>Затрудняюсь ответить и т.п.</i>	11	13
<i>Итого</i>	100	100

Источник: ВЦИОМ N = 1600 (<http://wciom.ru/>).

Из таблиц 1 и 2 видно, что в *общих представлениях россиян о справедливости* явно преобладают характеристики процессуальной справедливости (сильнее всего это выражено в ответах на открытый вопрос ФОМ). Что же касается представлений о *социальной справедливости* (в которых основной акцент делается на отношении государства к человеку), то здесь наибольшей притягательностью обладают позиции, “соотносящие понятие справедливость с понятием законность” (то есть “законность, равноправие” в ответах на открытый вопрос ФОМ, “равенство всех перед законом” в опросах ИОП и ВЦИОМ). Наблюдения, конечно, небогатые. Но, как говорила Н. Тэффи, “*faire-mo que?*”

Реконструкция представлений о справедливости по конкретным оценкам

Оценки “по справедливости”, включенные в исследование, приведены в таблице 5.

Прежде всего рассмотрим позицию “Справедливость в межличностных отношениях”, а в ней позицию “Имущественное неравенство”. На рисунке 1 и в таблице 6 содержатся полученные WVS распределения ответов на вопрос об отношении к имущественному неравенству в четырех странах – России, Китае, США и Германии.

Оценки, включенные в исследование

Типы оценок	Справедливость	
	в межличностных отношениях	в отношениях государства к человеку
Дистрибутивная справедливость Процессуальная справедливость	<i>Имущественное неравенство</i> <i>Неравенство прав на труд</i>	<i>Характер социальных гарантий</i> <i>Уровень суровости наказаний</i> <i>Целесообразность vs закон</i> <i>Политическое неравенство</i>

Таблица 6

Распределение мнений об имущественном неравенстве: Россия, Германия, Китай, США в 2006–2007 гг. (в % к числу опрошенных)

	За равенство доходов	Промежуточные позиции	За неравенство доходов	
	оценки 1–3 баллов	оценки 4–7 баллов	оценки 8–10 баллов	в том числе оценка 10 баллов
Россия (2006 г.) N = 1968	26	25	49*	32
Китай (2007 г.) N = 1679	31	30	39	13
США (2006 г.) N = 1203	12	63	25	9
Германия (2006 г.) N = 1961	39	47	14	2

Источник: WVS (<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>).

* В опросе Института социологии РАН (2006 г.) с утверждением “Большая дифференциация доходов людей необходима для экономического процветания страны” согласились примерно в два раза меньше респондентов (24% опрошенных моложе 30 лет, 26% – старше 60 лет) [Свобода... 2007, с. 22].

Эти данные хорошо демонстрируют специфику российского подхода к рассматриваемой проблеме. По характеру кривой распределения ответов Россия похожа на Китай, но качественно отличается от США и Германии. В России, как и в Китае, она выпуклая (U-образная), тогда как в США и Германии – вогнутая (П-образная). Не отличаясь от Китая по характеру (U-образности) кривой, *Россия опережает его по смещенности оценок в пользу неравенства доходов и, таким образом, явно лидирует по этому показателю среди четырех рассматриваемых стран*. Это особенно заметно при сопоставлении удельных весов “полностью согласных” с утверждением “Нужно усилить неравенство в доходах – это стимулирует людей” (см. табл. 6).

Страновая специфика кривых распределения рассматриваемых оценок зависит от многих социокультурных факторов. Упомяну здесь только два: (а) преобладание в той или иной культуре склонности к крайним или, напротив, к умеренным оценкам; (б) доминирующие идеологические предпочтения. Первый фактор во многом определяет вогнутость/выпуклость кривых⁸. Второй оказывает сильное влияние на смещенность кривых в сторону “равенства” или “неравенства”. При сопоставлении США и Герма-

⁸ Впервые я столкнулся с его присутствием в начале 1990-х гг. при проведении сравнительного исследования ценностных ориентаций российских и британских менеджеров. Одним из наиболее ярко выраженных различий между ними оказалось предпочтение, отдаваемое россиянами оценкам “полностью согласен” или “совершенно не согласен”, а британцами – оценкам “скорее согласен, чем не согласен” или “скорее не согласен, чем согласен”. Не исключено, что склонность к умеренным оценкам характерна вообще для всех стабильных и богатых демократий. В какой мере она связана с уровнем развития среднего класса, судить не берусь.

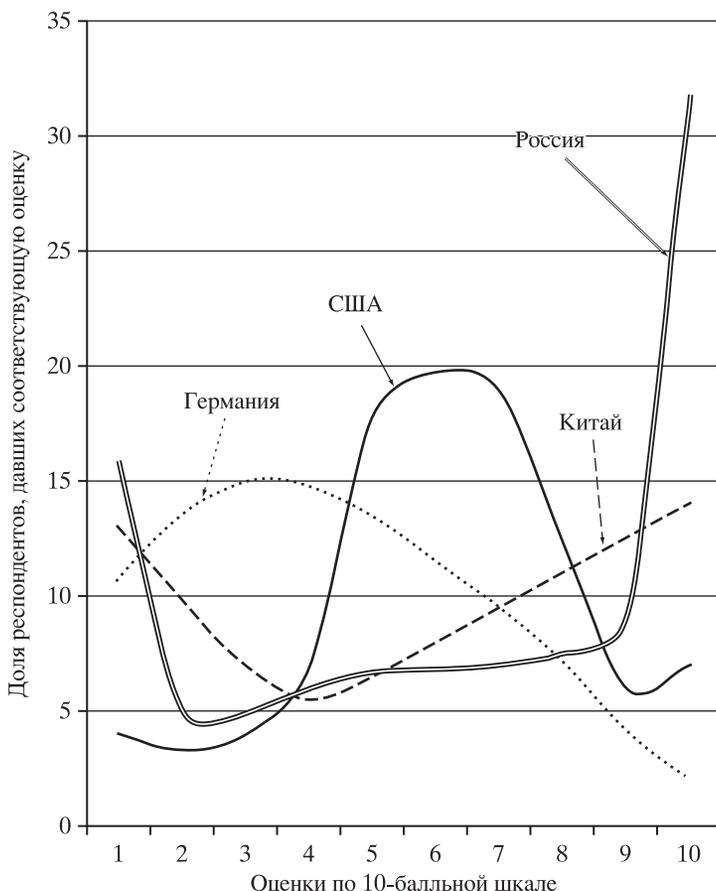

Рис. 1. Кривые распределения мнений об имущественном неравенстве: Россия, Германия, Китай, США в 2006–2007 гг. (сглаженные кривые).

Вопрос: Какая позиция по десятибалльной шкале более всего соответствует вашему мнению, если “1” означает полное согласие с утверждением “Необходимо большее равенство доходов”, а “10” – полное согласие с утверждением “Нужно усилить неравенство в доходах – это стимулирует людей”?

Источник: WVS (<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSAnalyzeQuestion.jsp>).

нии наглядно проступает большая склонность респондентов США к либерализму, а респондентов Германии – к социал-демократическим ценностям.

Популярность идеи имущественного неравенства у россиян примерно соответствует распространенности среди них стремления быть богатыми. В моем исследовании 2004 г. (N = 2533) на вопрос “Хотели бы вы быть богатым в России?” положительно ответили 61% опрошенных [Урнов, 2005, с. 45–65], что совпадает с долей респондентов, выбравших оценки 6–10 баллов в ответах на вопрос об имущественном неравенстве WVS (60%). При этом около трети участников моего исследования допускали возможность во имя обогащения пойти на те или иные нарушения закона [Урнов, 2005, с. 50].

Важно, что поддержка тезиса об имущественном неравенстве просматривается у российских респондентов, главным образом, в ответах на вопросы, которые не активизируют у них представлений о неудовлетворенности сегодняшним положением, о неравенстве между социальными группами или о роли государства в процессе

Право на труд: граждане своей страны vs мигранты
(в % к числу опрошенных)

Когда не хватает рабочих мест, работодатели должны отдавать предпочтение гражданам своей страны, а не мигрантам	Россия (2006 г.)	Китай (2007 г.)	США (2006 г.)	Германия (2006 г.)
		N = 1968	N = 1655	N = 1239
Согласен	81	66	55	56
Не согласен	9	14	20	28
Трудно сказать	10	20	25	16

Источник: WVS (<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>).

Таблица 8

Право на труд: мужчины vs женщины

Когда не хватает рабочих мест, мужчины должны пользоваться преимуществом перед женщинами	Россия (2006 г.)	Китай (2007 г.)	США (2006 г.)	Германия (2006 г.)
		N = 1967	N = 1767	N = 1238
Согласен	37	42	7	18
Не согласен	44	33	66	67
Трудно сказать	19	25	27	15

Источник: WVS (<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>).

распределения социальных благ и пр. Если же такая активация происходит, картина оказывается иной. В опросе Левада-Центра (октябрь 2011), соотношение поддержавших и не поддержавших введение налога на роскошь и возвращение прогрессивного налога на доходы, превышающие средний уровень, составило примерно 2:1, тогда как в упомянутом выше исследовании WVS соотношение противников и сторонников имущественного неравенства было практически обратным – 1:2. В опросе Института социологии РАН (2006 г.) доля полагающих справедливым, “что у одних больше денег, чем у других, если они имели равные возможности их заработать”, составила 64%. Удельный вес оценивших эту ситуацию как несправедливую – 16%. Между тем количество считающих справедливыми “нынешнюю дифференциацию доходов” и “нынешнюю систему распределения собственности” составило всего по 6%, а несправедливыми – соответственно, 86 и 74% [Свобода... 2007, с. 21]. В целом описанная позиция значительной части российских респондентов легко укладывается в формулу социальной зависти: если богат я, это справедливо, если не я – несправедливо.

Следующая позиция, касающаяся справедливости в межличностных отношениях “**равенство/неравенство права на труд**”. И здесь отношение к праву на труд мигрантов и женщин представляется одним из наиболее чувствительных индикаторов представлений о равенстве между людьми. Некоторые характеристики этого отношения приведены в таблицах 7 и 8. Из них видно, что по уровню поддержки идеи правовой дискриминации мигрантов Россия является лидером среди рассматриваемых четырех стран, а по уровню популярности правовой дискриминации женщин значительно опережает страны, принадлежащие к европейской культурной традиции, и лишь немного уступает Китаю.

Итак, в представлениях россиян о справедливости в межличностных отношениях идеи неравенства распространены значительно шире, чем в представлениях граждан США, Германии и Китая. Если перевести рассмотренные выше цифры в образы, получится примерно следующее. Человек с выраженной установкой на личное обогащение, с некоторой внутренней склонностью к экономическим правонарушениям, а также считающий себя в большем праве, чем мигранты, а мужчину в большем праве, чем женщину, будет чувствовать себя в России морально комфортнее, чем в трех упомянутых странах.

Теперь перейдем к позиции *“справедливость в отношениях государства к человеку”*. Мягко говоря, она не нова⁹. Попробуем реконструировать образ справедливого государства по активно обсуждаемым сегодня в России критериям. Первый из них – **“социальная роль государства”**.

На рисунке 2 и в таблице 9 приведены ответы респондентов России, Китая, США и Германии на вопрос о том, кто должен нести большую ответственность за благосостояние людей: государство или сами граждане. Видно, что в США, Германии и Китае характер и смещение кривых одинаковы. Это не случайно: вопросы о неравенстве доходов и ответственности за благосостояние людей представляют собой известную *“идеологическую пару”*: предпочтение равенства доходов, как правило, связано с выбором в пользу государственного патернализма, и наоборот. Что же касается России, то здесь идеологические взаимозависимости между рассматриваемыми предпочтениями нарушены: кривая напоминает, скорее, гиперболу, чем U-образную кривую рисунка 1. Оценки смещены в противоположные стороны: соотношение патерналистских и либеральных позиций в ответах на вопрос о неравенстве доходов составляет примерно 1:2 в пользу либеральных взглядов, тогда как в ответах на вопрос о социальной роли государства оно равняется 6:1 в пользу патерналистских воззрений (см. табл. 6 и 9). Не исключено, что такой перекося в оценках свойственен не только современной России, но и многим другим обществам, переживающим разложение авторитарной культуры. За ним стоит феномен сознания, представляющий собой своеобразный гибрид индивидуализма и коллективизма, который я называю *“индивидуалистическим патернализмом”*¹⁰.

Источник претензий россиян к государству хорошо виден при сопоставлении ответов на три вопроса, регулярно задаваемых Левада-Центром: о желаемом типе отношений между государством и гражданами; о том, на что сейчас больше рассчитывают респонденты – на собственные силы или социальную поддержку; и о том, может ли большинство россиян прожить без постоянной опеки со стороны государства (<http://www.levada.ru/25-10-2011/na-chto-rasschityvayut-i-na-kogo-nadeyutsya-rossiyane>).

Подавляющая часть респондентов (70–80%) полагают, что заботиться о людях должно в первую очередь государство и что большинство россиян без постоянной опеки прожить не в состоянии, но вынуждены при этом полагаться на собственные силы, а не на социальную поддержку. Главным условием выполнения государством своих социальных обязательств респонденты, судя по всему, считают сочетание отсутствия коррупции с государственным контролем над экономикой. В моем исследовании 2004 г. 72% опрошенных заявили, что *“большинство чиновников в России – это воры”*, и практически столько же (75%) согласились с утверждением, что *“такие ключевые отрасли, как электроэнергетика, угольная промышленность, нефтяная промышленность, железные дороги и пр. должны принадлежать государству”* [Урнов, 2005, с. 56, 62].

По данным Левада-Центра, в течение 2002–2011 гг. доля *твердых* сторонников главенствующей роли государства в экономике (*“государству должны принадлежать все крупные предприятия”*) составляла 41–51%. Примерно таким же (43–53%) был

⁹ Судя по платоновскому диалогу *“Государство”*, в котором Сократ утверждал, что основной целью дискуссии о государстве было понимание справедливости, этому стремлению не менее 2300 лет.

¹⁰ В наиболее жесткой форме он формулируется примерно так: я имею право делать то, что мне хочется, у меня нет обязательств ни перед обществом, ни перед государством; зато общество и государство обязаны обеспечить мое благополучие (см. [Урнов, 2011, с. 15]).

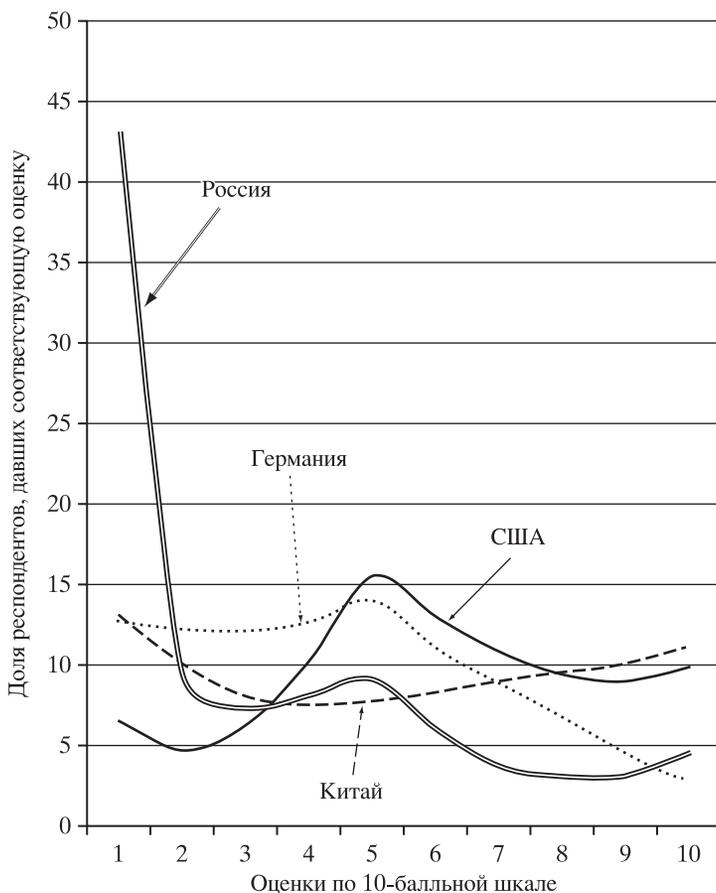

Рис. 2. Кривые распределения мнений о том, кто должен нести большую ответственность за благосостояние граждан – государство или сами граждане: Россия, Германия, Китай, США в 2006–2007 гг. (сглаженные кривые).

Вопрос: Какая позиция по десятибалльной шкале более всего соответствует вашему мнению, если “1” означает полное согласие с утверждением “За благосостояние граждан большую ответственность должно нести **государство**”, а “10” – полное согласие с утверждением “За благосостояние граждан большую ответственность должны нести **сами граждане**”?

Источник: WVS (<http://www.wvsevsvdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>).

удельный вес более умеренных поклонников государственной экономики (“государству должны принадлежать *самые важные* для страны предприятия”). Между тем точку зрения, что “все крупные предприятия должны находиться в частных руках”, разделяли не более 3% опрошенных (<http://www.levada.ru/30-11-2011/rossiyane-ogosudarstvennoi-sobstvennosti-i-promyshlennosti>).

Согласно тому же опросу, взглядами на экономическую роль государства определяется и отношение россиян к приватизации. В 2011 г. ее категорическими противниками были около 40% респондентов Левада-Центра (люди, убежденные в необходимости “вернуть государству всю собственность, которой оно лишилось” и “резко отрицательно” относящиеся “к планам правительства в ближайшие годы продать крупные пакеты акций ряда крупнейших российских компаний и банков”). Примерно 30% опрошенных были настроены мягче (считали, что возврат государству собственности, приватизированной в 1990-е гг. возможен “только в отдельных случаях, если будет доказано, что

Распределение мнений о том, кто должен нести ббльшую ответственность за благосостояние граждан: государство или сами граждане: Россия, Германия, Китай, США в 2006–2007 гг. (в % к числу опрошенных)

	Государство		Промежуточные позиции	Сами граждане
	Оценки 1–3 балла	В том числе оценка 1 балл	оценки 4–7 баллов	Оценки 8–10 баллов
Россия (2006) N = 2033	60	43	28	12
Китай (2007) N = 2015	34	15	34	31
США (2006) N = 1249	20	9	49	32
Германия (2006) N = 2064	40	15	45	15

Источник: WVS (<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>).

Таблица 10

Распределение мнений о связи между суровостью наказаний преступников и демократией: Россия, Германия, Китай, США в 2006–2007 гг. (в % к числу опрошенных)

Суровость наказания – фундаментальный признак демократии	Вовсе не является	Скорее не является	Нейтральные оценки	Скорее является	Безусловно является
	1 балл	1–3 балла	4–7 баллов	8–7 баллов	10 баллов
Россия (2006) N = 1940	4	2	15	16	63
Китай (2007) N = 1688	3	2	9	31	55
США (2006) N = 1191	6	7	45	25	17
Германия (2006) N = 2029	2	4	28	28	38

Источник: WVS (<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>).

приватизация была проведена незаконно” и “скорее отрицательно” оценивали планы предстоящей приватизации). Позитивно к прошлой и будущей приватизации относились лишь примерно 15%, в том числе “целиком положительно” – менее 5%.

Следующая позиция в данном разделе – “суровость наказаний за преступления”. “Преступление и наказание” – одна из традиционных ключевых тем в рассуждениях о справедливости. Якобинец Ле Пелетье полагал, что “необходимо четкое соотношение между природой преступления и природой наказания” (цит. по [Фуко, 1999, с. 154]). Это “четкое соотношение” имеет, однако, свойство изменяться во времени и пространстве, отражая существующие между культурами различия представлений о справедливом уровне суровости наказаний. Вспомним и пушкинское: “То есть разумю, –/Вдруг промолвил он, – /Вешают за шею/Но жесток закон”.

Опрос WVS позволяет сравнить мнения россиян и граждан других стран о том, является ли суровость наказаний преступников фундаментальным признаком демократии (см. табл. 10). Принимая во внимание, что подавляющее большинство участников этого исследования рассматривают демократию как политическую систему, желательную для своей страны, а суровость наказания тесно связывают с такой характеристикой демократии, как “защита прав и свобод”¹¹, не будет ошибкой утверждать,

¹¹ Доля заявивших, что для их страны иметь демократическую политическую систему – это “очень хорошо” или “хорошо”, составила: в России – 79%, в Китае – 94%, в США – 86% и в Германии – 95%. Среди твердо уверенных, что суровое наказание преступников является фундаментальной характеристикой демократии, удельный вес считающих “защиту прав и свобод” столь же важной чертой демократии, был равен: в России – 83%, в Китае – 72%, в США – 71%, в Германии – 80% (<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>).

что отношение к суровости наказания как к признаку демократии отражает специфику представлений респондентов о справедливости.

Приведенные данные свидетельствуют, что во всех рассмотренных странах общественное мнение тяготеет к признанию суровых наказаний мерой справедливой. Различия наблюдаются только в степени выраженности тяготения к суровости. И здесь Россия явно лидирует. Люди, твердо убежденные в неразрывной связи демократии с суровыми карами за преступления, встречаются в России в 1,1 раза чаще, чем в Китае, в 1,7 раз чаще, чем в Германии, и в 3,7 раза чаще, чем в США.

Пафос суровости наказаний базируется в России на тесном переплетении аргументации “по справедливости” с общекультурным контекстом. Согласно ФОМ (2006 г.), к применению смертной казни положительно относятся 74% россиян, а отрицательно – 15%. При этом сторонники смертной казни исходят прежде всего из представления о справедливом, по их мнению, воздаянии за совершенное тяжкое преступление (44%) “*всегда в России было: смерть за смерть*”¹².

Говоря об общекультурном контексте, я имею в виду убежденность в том, что страх перед властью – необходимое условие уважительного к ней отношения. В моем опросе (2004 г.) с высказыванием “В России нужно, чтобы власть боялись. Иначе ее не будут уважать” согласился 51% респондентов (не согласился – 41%). Взгляд на страх как на источник уважения преобладал и в оценках внешней политики: позиция “Россию должны бояться. Только тогда ее будут уважать” была поддержана 59% опрошенных (не поддержали 35%) [Урнов, 2005, с. 55, 54].

Следующая позиция “**Закон vs справедливость/целесообразность**”. В дискуссиях о справедливости конфликт между ней и законом – тема, по-видимому, столь же традиционная, как и тема суровости наказаний¹³. Достаточно часто в массовом сознании и политической пропаганде противопоставление закона и справедливости подменяется противопоставлением закона и целесообразности, в котором последняя используется в качестве ее синонима¹⁴. Российское массовое сознание в этой дилемме постепенно склоняется на сторону Закона.

По данным Института социологии РАН, в 1995–2010 гг. доля утверждавших, что “не так важно, соответствует ли что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо”, снизилась с 54 до 42%, а удельный вес заявивших, что “всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям”, возрос с 37 до 43%. Такая же динамика наблюдается при выборе между законом и носителями справедливости (честными, пекущимися о благе народа политиками, руководителями и т.п.). В 2004 г., отвечая на вопрос о том, что важнее для России – “хорошие законы” или “хорошие руководители”, за руководителей высказались 50%, а за законы 39% опрошенных. В 2010 г. эти показатели были, соответственно, 48 и 47% [Готово ли... 2010, с. 71–72]. В результате, позиции закона и справедливости в российском общественном мнении практически уравнились.

В исследовании Левада-Центра, предпочтения россиян также смещаются в пользу закона, однако уровень симпатии к нему здесь изначально выше. В 1997–2010 гг. в ответах на вопрос “Что скорее может обеспечить благополучие народа: достойные люди

¹² <http://bd.fom.ru/report/map/dd060828>. В моем опросе 2004 г. 62% россиян разделяли точку зрения, что “казнить террористов публично – это правильно” [Урнов, 2005, с. 58].

¹³ В Риме описание этого конфликта уже во II веке до Р.Х. обрело форму пословицы “*summum ius summa iniuria* (злу вышнему равна законность высшая)” [Теренций, 1985, с. 790], или в другом переводе, “строжайшее право – это величайшая несправедливость”. Много позже эта формула использовалась М. Лютером, Ш. Монтескье, И. Кантом. В русской культуре она присутствует с XII века, в летописи: “Иде же закон, ту и обид много (Где закон, там и многие обиды)” [Карамзин, 1991, с. 370, 522]. Сегодня, применительно к приватизации 1990-х гг. вспомним и хрестоматийное место из “Горячего сердца” А. Островского, где на вопрос Градобоева, “судить ли мне вас по законам или по душе”, следует ответ: “Суди нас по душе, будь отец”. А сегодня М. Прохоров формулирует дилемму “Закон vs справедливость” следующим образом: “Проблема фундаментальна: все, что тогда делалось, было по закону. Пусть и не по справедливости” (<http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=230254>).

¹⁴ “Для нас справедливость подчинена интересам свержения капитала” [Ленин, с. 364–365].

в руководстве страной или надежные, реально действующие законы?” доля “надежных законов” увеличилась с 53 до 60%, тогда как удельный вес “надежных людей” оставался практически постоянным (32 и 35%). В 2011 г. настроения слегка изменились: удельный вес поддерживающих закон снизился до 56%, а поддерживающих надежных людей увеличился до 40% (<http://www.levada.ru/25-10-2011/na-chto-rasschityvayut-i-nakogo-nadeyutsya-rossiyane>). Однако является ли это изменение разовым всплеском или отражает изменение тренда, сказать сейчас невозможно.

Конечно, с точки зрения правовой культуры пропорция 2:1 (Левада-Центр) выглядит лучше, чем 1:1 (Институт социологии РАН)¹⁵. Однако говорить о торжестве закона в ситуации, когда установки от трети до половины населения вполне соответствуют знаменитой поэтической характеристике, данной Б. Алмазовым и использованной веховцем Б.Кистяковским для описания состояния российского правосознания в начале прошлого века¹⁶, вряд ли возможно. Так что, мнение, согласно которому несмотря на некоторые сдвиги, для нынешнего российского массового сознания характерен правовой нигилизм [Готово ли... 2010, с. 71, 126], представляется мне справедливым.

Наконец, позиция “**Политическое равенство/неравенство**”. Как было показано выше, доля россиян, разделяющих идею политического равенства (“равенство всех перед законом”, “законность, равноправие”), в 2000-е гг. не превышала 50%. Для остальных более привлекательным представлялся принцип неравенства. Рассмотрим склонность к политическому неравенству на примере взглядов на одну из наиболее остро обсуждающихся сейчас проблем – равноправие/неравноправие наций.

Различные социологические центры согласны в том, что уровень национализма в России возрастает, однако не сходятся в оценках его распространенности. Так, согласно Левада-Центру, доля респондентов, в той или иной мере позитивно относящихся к идее “Россия для русских”, в течение первого десятилетия XXI в. составляла в среднем около 53%, а в 2011 г. достигла 59%¹⁷. Количество сторонников этой идеи среди респондентов Института социологии РАН также возрастало, но было явно ниже: 32% в 2001 г. и 45% в 2011 г. [Горшков, Петухов, Крумм, 2011, с. 207].

Внутри данной группы интенсивность поддержки идеи “Россия для русских” далеко не равномерна. По данным Левада-Центра, удельный вес ее умеренных сторонников (заявивших, что эту идею “было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах”) в 2000-е гг. был равен 35–38% (в среднем 37%), а в 2011 г. – 40%. В исследовании Института социологии РАН доля считающих, что “Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав”, возросла в 2001–2011 гг. с 24 до 31% [Горшков, Петухов, Крумм, 2011, с. 207]. Доля *решительно поддерживающих* идею “Россия для русских” (считающих, что ее “давно пора осуществить”) в 2000-е гг. в опросах Левада-Центра составляла около 16%, а в 2011 – 19%.

¹⁵ В моем исследовании 2004 г. доля опрошенных, заявивших, что “мне все равно, какими методами действует политик, если его деятельность идет на благо народа”, была равна 49%, то есть практически совпадала с долей респондентов, высказавшихся в опросе Института социологии РАН за “хороших руководителей”. Однако при несколько иной формулировке той же альтернативы – “Нашей стране нужны не столько законы и политические программы, сколько сильные энергичные лидеры, которым бы верил народ”, – популярность лидеров оказалась значительно выше (66%) [Урнов, 2005, с. 55]. Скорее всего, здесь сказалось отягощение “законов” негативным соседством с “политическими программами” и наличие у лидеров таких позитивных характеристик, как “сила”, “энергичность” и “доверие народа”.

¹⁶ *По причинам органическим / Мы совсем не снабжены / Здравым смыслом юридическим, / Сим исчадьем сатаны. / Широки натуры русские, / Нашей правды идеал / Не влезает в формы узкие / Юридических начал* [Кистяковский, 1991, с. 127].

¹⁷ <http://www.levada.ru/15-12-2011/grossiyane-ob-obstanovke-na-severnom-kavkaze-natsionalizme-politike-i-finansirovanii-regio>. Эта цифра примерно соответствует доле русских (62%), которые в 2011 г. в опросе Института социологии РАН заявили, что “люди моей национальности многое потеряли в последние 15–20 лет” [Горшков, Петухов, Крумм, 2011, с. 205]. В моем исследовании 2004 г. доля согласившихся с утверждением “Национальные меньшинства имеют слишком много власти и влияния в нашей стране” была равна 42%. Столько же респондентов полагали, что нужно ограничить влияние евреев в той или иной области общественной жизни страны [Урнов, 2005, с. 52, 53].

Согласно Института социологии РАН, удельный вес заявивших, что “Россия должна быть государством русских людей”, в 2001–2011 гг. колебался в интервале 12–19%¹⁸.

Этот показатель примерно равен доле респондентов Левада-Центра, говоривших, что они “часто” чувствуют “враждебность к себе со стороны людей других национальностей” и “враждебность к людям других национальностей”. В 2004–2009 гг. она составляла около 13%, а в 2011 г. приблизилась к 20% (<http://www.levada.ru/26-09-2011/natsionalizm-v-rossii>). Данная группа, пропитанная эмоционально насыщенным национализмом, включает и 3–6% россиян, являющихся “сверхрадикальными” сторонниками идеи “Россия для русских”. Это люди, которые, по данным ВЦИОМ, верят, что “Россия для русских” представляет собой лозунг, под которым “могло бы сейчас объединиться российское общество” (<http://wciom.ru/>. База данных “Архивариус”. В течение 1995–2010 гг. так считали 3–6% россиян, в 2010 г. – 4%).

Внутри группы не разделяющих лозунг “Россия для русских” интенсивность негативизма к нему также неравномерна. Согласно Левада-Центру, в 2000–2011 гг. 25% респондентов категорически отвергали его, называя “настоящим фашизмом”, 11% говорили, что их это не интересует, и 5% затруднились ответить (<http://www.levada.ru/15-12-2011/rossiyane-ob-obstanovke-na-severnom-kavkaze-natsionalizme-politike-i-finansirovanii-regio>). В исследовании Института социологии РАН доля считающих, что “все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ” была выше, но устойчиво сокращалась с 61% в 2001 г. до 47% в 2011 г. Доля затруднившихся ответить в эти годы не превышала 8% [Горшков, Петухов, Крумм, 2011, с. 207].

Впрочем, русским национализмом проблема не ограничивается. В настоящее время в России растет национализм других наций. По данным Института социологии РАН, он еще не настолько широк, как русский национализм, но уже приобрел достаточно серьезные масштабы. Так, среди респондентов, не относящих себя к русским, доля считающих “скорее проблемой”, “что в России живут люди разных национальностей”, в 2011 г. составляла 21% (против 29% среди русских). Удельный вес сказавших, что “все средства хороши для защиты интересов моего народа”, был равен, соответственно, 34 и 43%, а относящихся с одобрением к идее принудительного выселения представителей каких-то национальностей из города (села) [своего] проживания” – 25 (39%) [Горшков, Петухов, Крумм, 2011, с. 205, 206, 211].

* * *

Проведенный анализ показывает, что сегодня в российском общественном мнении нет единства представлений о справедливости. Существующие воззрения зачастую противоречат друг другу. В такой ситуации возникает естественное желание понять, складываются ли имеющиеся в массовом сознании оценки в какие-либо содержательные констелляции, и если да, то в какой мере эти констелляции популярны. Лучшим способом поиска ответа на эти вопросы является, по-видимому, кластерный анализ. К сожалению, с имеющимися в моем распоряжении данными провести его нельзя.

Однако возможно другое: путем соотнесения этих данных с известными теоретическими (идеологическими) конструктами, разбить их на группы и попробовать хотя бы кошено оценить распространенность этих групп. В нашем случае подобная задача решается относительно просто, потому что подавляющая часть использованных в исследовании вопросов легко превращается в компоненты шкалы, полюсами которой являются либеральный и постсоветский правоавторитарный комплекс представлений о справедливости (см. табл. 11).

Говоря о либеральных представлениях о справедливости, я имею в виду прежде всего формальное равенство граждан (отсутствие какой бы то ни было дискри-

¹⁸ Вместе с тем доля заявивших, что они “одобрили бы” и “скорее одобрили бы” “принудительное выселение представителей каких-то национальностей из города (села) [своего] проживания”, была значительно больше, и среди русских респондентов составила 39% [Горшков, Петухов, Крумм, 2011, с. 207, 212].

минации по социальным, культурным, национальным, расовым и иным признакам); минимальную экономическую и социальную роль государства; гуманность пени-тенциарной системы; выбор в пользу закона в дилемме “закон vs справедливость”. Распространенный в современной России вариант правоавторитарного видения справедливости представляет собой полную противоположность либеральным представлениям. Он основывается на отрицании формального равенства граждан (признании их неравенства и оправдании дискриминации, в том числе, а может быть, и прежде всего по национальному признаку)¹⁹; утверждает доминирование государства в экономике и социальной сфере; требует максимально жесткой системы наказаний преступников, а справедливость/целесообразность чтит значительно больше, чем закон, то есть имеет явную склонность к правовому нигилизму. Степень выраженности правового нигилизма отличает наш правый авторитаризм от многих других европейских его версий, что и вынуждает называть его не просто правым, но постсоветским правым.

Единственный из использованных в исследовании вопросов, ответы на который оказываются вне данной шкалы – вопрос об имущественном неравенстве, позитивное отношение к которому равно присуще и либеральной, и правоавторитарной позициям. Вместе с тем, непринятие принципа имущественного неравенства примерно четвертью респондентов указывает на присутствие в российском массовом сознании еще одного подхода к справедливости – подхода левого толка. Постараюсь дать примерную количественную оценку общественного потенциала этих трех подходов.

В таблице 11 вертикальными пунктирными линиями обозначены границы распространения либеральных и правоавторитарных представлений о справедливости с выделением в них подгрупп, названных по аналогии с названиями делений лайкертовой шкалы. Показанные в таблице 11 зоны, полученные с помощью “наложения” ответов, заведомо превышают величины подгрупп, которые могли бы быть получены путем пересечения соответствующих ответов. Так что данные зоны отражают не реальные, а максимально возможные границы распространения рассматриваемых представлений. Именно поэтому оставшаяся после наложений справа и слева зона противоречивых оценок, скорее всего, превышает выпавшие на ее долю 20%. Реперной точкой для выделения зоны “жестких” либеральных (или, если угодно, либертарианских) оценок служил удельный вес респондентов, считающих, что “все крупные предприятия должны находиться в частных руках”, и “целиком положительно” относящихся к приватизации.

Граница зоны распространения радикальных правоавторитарных взглядов соответствует доле опрошенных, считающих, что лозунг “Россия для русских” способен объединить российское общество. В “последовательно либеральной” и “последовательно правоавторитарной” зонах 13 из 14 позиций отвечают критериям, отраженным в названиях этих зон. В зоне “скорее либеральной, чем правоавторитарной” либеральным критериям соответствуют 8 из 14 позиций, а в зоне “скорее правоавторитарной, чем либеральной” правоавторитарные взгляды присутствуют в 9 из 14 позиций.

Около 20% ответов приходится на представления, объединение которых в рамках шкалы “либеральные vs правоавторитарные представления” лишено внутренней логики и создает зону противоречивых оценок. Посмотрим, обретут ли эти оценки какой-либо смысл, будучи изъяты из данной шкалы и переведены в иное – левое – измерение. Сделать это возможно, имея в виду, что носители рассматриваемых представлений принадлежат к той четверти россиян, которые являются противниками имущественного неравенства, то есть тяготеют к левым идеологиям.

¹⁹ В Программе националистической организации “Русский образ” желаемая политическая система описывается так: “Политическая система – дифференцированная демократия. Люди не равны, люди качества различны, а значит, у них не должно быть равных прав” (Новая газета, 14 февраля 2012 г.).

Определить, какая тенденция – авторитарная или демократическая – внутри этого набора доминирует, по-моему, невозможно. (Как, впрочем, невозможно это сделать и при анализе идеологических позиций большинства российских левых партий и движений.) Таковы примерные очертания сегодняшних представлений россиян о справедливости.

“Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?”
(*Н. Некрасов*)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин А.* Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 2006.
Аристотель. Большая этика // *Аристотель.* Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1984.
Горшков М.К., Петухов В.В., Крумм Р. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М., 2011 (http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html).
Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010.
Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М., 2011.
Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб., 2004.
Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 т. М., 1973.
Кант И. Критика чистого разума // *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 3. М., 1964.
Кант И. Метафизика нравов // *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965.
Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 т. Т. II–III. М., 1991.
Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // *Вехи. Из глубины.* М., 1991.
Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38.
Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // *Локк Дж.* Соч. в 3 т. Т. 1. М., 1985.
Марк Аврелий Антонин. Размышления. СПб., 1993.
Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. Ч. III. Ценности. М., 2011.
Монтень М. Опыты. В 3 кн. М., 1979.
Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999.
Паскаль Б. Мысли. М., 1995.
Петражицкий Л.С. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2010.
Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998.
Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества. М., 2006.
Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2010.
Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре // *Руссо Ж-Ж.* Трактаты. М., 1969.
Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России. М., 2007.
Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
Соловьев Вл.С. Оправдание добра. Нравственная философия // *Соловьев Вл.* Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1988.
Теренций. Комедии. М., 1985.
Тимошина Е.В. Идея справедливости в дискурсе Петербургской школы философии права // “Правда”: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М., 2011.
Урнов М.Ю. Роль культуры в демократическом транзите // *Общественные науки и современность.* 2011. № 6.
Урнов М.Ю. Синдром радикального авторитаризма в российском массовом сознании // *Урнов М.Ю., Касамара В.А.* Современная Россия: вызовы и ответы. М., 2005.
Фома Аквинский. Сумма Теологии. Ч. I. Вопросы 1–43. Киев–М., 2002.
Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 3. О морали // *Юм Д.* Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1965.
Kohlberg L. Stages in the Development of Moral Thought and Action. New York, 1969.
Piaget J. The Moral Judgment of the Child. London, 1932.